

Глава 22: Собрание Сотни Купцов

Накануне Собрания Сотни Купцов небо над Чаоянем наконец прояснилось. В день открытия ярмарки оно сияло лазурью, а легкий ветерок приносил долгожданную прохладу. Горожане, истомленные многодневным заточением в четырех стенах из-за дождей, хлынули на улицы. Первые три дня были отданы на откуп вольной торговле — самому шумному и веселому времени, когда каждый мог выставить свой товар на продажу.

От городских ворот до самых стен императорского дворца протянулись бесконечные ряды лавок. Даже тренировочное поле городского гарнизона отвели под нужды приезжих купцов. В эти дни ворота Чаояня распахивались с первыми лучами солнца, а торговля не затихала до глубокой ночи. Заплатив символическую пошлину в несколько медных монет, торговец мог спокойно занять место и разложить свои сокровища.

Половина гарнизона была брошена на поддержание порядка, так что обстановка в городе оставалась на удивление спокойной. Все приготовления к Собранию Сотни Купцов завершились, а время крупных сделок между великими торговыми домами еще не пришло, поэтому Цинь Фэн, глава Союза, внезапно обнаружил, что ему совершенно нечем заняться.

Приезд императора Фэн Яна заставил принцессу Фэн Лянь на время поумерить свой пыл. Однако жизнь во дворце казалась ей невыносимо скучной, и она, загоревшись желанием окунуться в народное веселье, упростила брата позволить ей прогуляться с Цинь Фэном. Фэн Ян, чьи отношения с посланником Чжаньхая, ванье Цзян Хуайюем, в последнее время крепили не по дням, а по часам, охотно согласился — ему и самому требовалось время, чтобы уделить внимание гостю. Оставив заботы о поместье на слуг, Цинь Фэн, успевший накануне как следует выспаться, с самого утра переоделся в простую одежду и повел принцессу смотреть город.

В отличие от многих консервативных богачей, Цинь Фэн отличался широтой взглядов: в первые дни праздника он позволил всем своим наложницам отправиться на прогулку, приставив к ним лишь по несколько слуг. Звездное Сияние пользовалось особыми привилегиями. Вторая Звезда, Лю Ин, еще вчера ушел в город вместе с Хунъюем, Четвертой Звездой. Обоих почти никто не знал в лицо, так что они даже не стали менять наряды. Скрытная Миньянь тоже не удержалась и вышла за ворота в сопровождении служанки.

Мяньцин, Старшее Звездное Сияние, хоть и носила под сердцем дитя, никогда не любила затворничества, особенно в такие дни. Чтобы обеспечить её безопасность, Цинь Фэн отправил с ней троих из четырех своих лучших тайных стражей. Последний же, Ланьюэ, присматривал за Чэньша. Поскольку Мяньцин и Чэньша были правой и левой рукой главы Союза и их часто видели в городе, Ланьюэ — мастер маскировки — помог им слегка изменить внешность.

Живот Мяньцин, находившейся на четвертом месяце беременности, едва округлился под просторным платьем. Тайные стражи оставались невидимыми теньями, поэтому Чэньша взял на себя роль защитника. Он старательно оберегал спутницу, не пуская её в самую гущу толпы и мягко отстраняя слишком ретивых прохожих.

Полдня прогулок под палящим солнцем утомили бы любого. Когда Чэньша залпом осушил третью чашку ледяного чая, купленного у уличного торговца, Мянцзинь наконец заметила его усталость и предложила уйти подальше от шума — к берегам реки Циньцзян.

Раз в четыре года Собрание Сотни Купцов приобретало такой размах, что Чаоянь едва вмещал всех желающих. Часть мелких лавочников предпочла обосноваться за городскими стенами, на берегах Циньцзян, где не нужно было платить за место.

Ивы склоняли ветви к воде, берега утопали в цветах. Крики зазывал на разных наречиях смешивались в пеструю многоголосицу, а на прилавках теснились диковинки со всех концов света. Этот стихийный рынок за чертой города по оживленности ничуть не уступал столичным улицам.

Любуясь пейзажами, Чэньша и Мянцзинь незаметно удалились от толпы.

— Давно в Чаояне не было такого веселья, — Мянцзинь остановилась у поляны, заросшей безымянными полевыми цветами, и оглянулась на людское море.

Чэньша встал рядом:

— Процветание и блеск столицы — верный знак того, что правители государств знают свое дело.

Мянцзинь едва заметно кивнула, но тут же возразила:

— Простые люди видят лишь поверхность. Лишь те, кто смотрит вглубь, замечают подводные течения. Я боюсь... боюсь, что в один миг всё это рухнет, как рухнула когда-то моя жизнь.

Чэньша внимательно осмотрел траву вокруг. Убедившись, что земля сухая и теплая, он обернулся к спутнице с почти детской улыбкой:

— Сестра, ты, должно быть, устала. Давай присядем и просто поговорим.

Придерживая её за локоть, он помог ей опуститься на траву. Мянцзинь лишь со смехом покачала головой:

— Ну что ты за мной как за хрустальной вазой ходишь? Я просто беременна, не стоит так преувеличивать.

Чэньша устроился рядом:

— Дитя, рожденное от любимого человека — небесный дар. Как можно не оберегать такое сокровище?

Мяньцзинь согласилась, задумчиво глядя на скользящие по реке лодки. Спустя долгое молчание она тихо спросила:

— Чэньша... ты ведь собираешься уйти?

— Да. Настанет день, и я покину это место.

Говоря это, юноша коснулся пальцами украшения в виде цветка Звездного Сияния на поясе. В этот артефакт Цинь Фэн вложил свою Огненную Клятву. С его помощью Чэньша мог потребовать свободы. Что будет потом — заботы о хлебе насущном или погоня, которую наверняка устроит император Фэн Ян — он решит, когда придет время.

Мяньцзинь искренне любила его как брата и понимала без слов. Мысль о побеге зародилась в его голове еще в тот день, когда он впервые переступил порог поместья Цинь. И он был прав. Женщина вроде неё могла смириться с ролью наложницы, но он — мужчина. Он не сможет продолжить род Цинь Фэна и рано или поздно станет обузой. Его ждало либо одинокое увядание в золотой клетке, либо забвение, когда красота начнет блекнуть.

— Это к лучшему... Жену ты себе вряд ли найдешь, — женская интуиция была безжалостно точной. Мяньцзинь знала: Чэньша не посмотрит на женщин, и невест в его доме не будет.

Чэньша улыбнулся:

— Верно. Поэтому, сестра... позволишь мне коснуться твоего ребенка?

Получив ласковое разрешение, он осторожно опустил на колени и прижал ладонь к её животу. Не почувствовав движения, он вопросительно взглянул на неё и, поймав ободряющую улыбку, приник ухом к животу будущей матери.

В сосредоточенной тишине он наконец уловил едва заметный толчок. Неведомое прежде чувство — трепет перед новой жизнью, так дерзко заявляющей о своем существовании — заставило его сердце сжаться.

— Живой, — Чэньша нежно улыбнулся. — Прекрасное дитя.

Выбрав путь с мужчиной, он знал, что у него никогда не будет своих детей. Но счастье быть с любимым стоило этой жертвы. Он любил детей и надеялся, что когда-нибудь они с партнером смогут принять в семью сироту, чтобы обрести ту полноту чувств, которую дает лишь дом.

— Да, — Мянцзинь тоже погладила живот. — Сейчас он ведет себя очень смиренно.

Чэньша сел рядом:

— Глава союза очень ценит этого ребенка. Вы оба будете в безопасности, не сомневайтесь.

Мянцзинь хотела ответить, но вдруг её взгляд замер на реке. Крупное пассажирское судно, потеряв управление, на полном ходу несло на небольшую лодку. Течение здесь было мирным, без водоворотов, поэтому никто не ожидал беды.

Столкновение было неизбежным. Даже Мянцзинь, мастер водной магии, не успела бы изменить поток. Лодка содрогнулась от удара. Стоявшая у борта женщина с ребенком на руках едва не вылетела за борт. Каким-то чудом ей удалось ухватиться за поручень, прижимая к себе малыша.

На берегу люди облегченно вздохнули, но в следующее мгновение мать закричала в ужасе:

— Хуай-эр! Мой Хуай-эр!

За её спиной стоял еще один ребенок, постарше, которого толпа не видела. В момент удара женщина смогла удержать лишь младшего, а старший, не имея сил противостоять толчке, рухнул в холодные воды Цинцзян.

Паника охватила и палубу, и берег. Несколько умелых пловцов уже сбрасывали обувь, готовясь броситься на помощь.

Мянцзинь вскочила и резко взмахнула рукавом. Из реки мгновенно вырвался водяной столб, вынося на поверхность промокшего до нитки ребенка. Мощная волна, словно живое существо, бережно подхватила мальчика и вытолкнула на берег. Пловцы не успели даже коснуться воды, как спасенный уже сидел на траве.

Люди окружили ребенка. Тот отделался лишь испугом и парой глотков речной воды, и теперь заливался громким плачем.

Резкое движение вызвало у Мянцзинь легкое головокружение, и она медленно опустилась обратно. Поскольку она не произнесла ни слова заклинания, никто вокруг так и не понял, чьих рук это чудо.

Чэньша, чья рука только коснулась бамбуковой флейты на поясе, обернулся к сестре:

— Хвала небесам... Как ты себя чувствуешь?

— Все в порядке, нужно лишь немного посидеть.

Чэньша не скрывал восхищения:

— Сестра, ты невероятна. В семье Цзи из Чжаньхая найдется лишь пара человек, способных на такое.

Мяньцзинь покачала головой:

— Ты и сам один из них. Если бы не те события... — она вздохнула. — Прости. Я хотела уговорить того ванье забрать тебя домой, но все пошло прахом.

— Сестра, я знаю, что ты хотела как лучше. Но император Фэн Ян — препятствие, которое не обойти. Это должно было случиться. Не вини себя.

Мяньцзинь и Е Чжэн были уверены в его происхождении, но сам Чэньша не чувствовал связи с семьей Цзи. Чжаньхай потерял своих наследников много лет назад, и возвращаться, чтобы тревожить призраков прошлого, он не хотел. Ему нужно было строить свою жизнь.

Мяньцзинь щелкнула его по лбу, словно прочитав мысли:

— Святой Сын — опора Чжаньхая. Поступок Фэн Яна не просто сломал тебе жизнь, он сделал Чжаньхай слабейшим среди четырех великих держав.

Один каприз Фэн Яна перевернул судьбы многих. И хотя Чэньша был благодарен этой судьбе за перерождение, ему было жаль таланта второго молодого господина Цзи, растраченного на ремесло убийцы.

— Неужели в упадке страны виновата лишь судьба, а не ошибки её правителей?

— Королева Хэцай и так несет тяжелое бремя, — в голосе Мяньцзинь зазвучала печаль по родине. — Душа её мужа разбита, старший сын пропал, а младший... — Она грустно улыбнулась. — Королева была предана своему единственному мужу, прежнему Святому Сыну, но рок был беспощаден.

Заметив недоумение Чэньша, она пояснила:

— О таком в Чжаньхае запрещено даже шептаться. Прежний Святой Сын, будучи послом в Сюагуане, вступил в предосудительную связь с императором Сюаньмином. Император бросил его. Вернувшись домой, Святой Сын был смертельно ранен во время ритуала отражения Небесного Бедствия и его душа рассеялась. Нынешний Святой Сын тоже впал в вечный сон, защищая страну. То, что королева до сих пор удерживает власть — почти чудо.

Два поколения Святых Сыновей погублены. Чэньша почувствовал укол совести за свои резкие слова. Чжаньхай действительно стоял на краю бездны.

— Момент для снисхождения Бога Воды упущен. Второй молодой господин семьи Цзи больше не сможет стать Исполняющим обязанности Святого Сына. Мое возвращение ничего не изменит.

— К тому же, ванье Хуайюй, кажется, совсем не жаждет твоего возвращения, — добавила Мянъцинъ. — До разорения моего дома ходили слухи, что он всегда завидовал старшему брату и мечтал о его месте. Его брат ведь впал в кому, пытаюсь спасти Хуайюя, который самовольно решил принять на себя удар Небесного Бедствия. Хуайюй очнулся первым, но ненависть к тем, кто талантливее него, осталась. — Она промолчала о главном: Цзян Хуайюй явно презирал Чэньша, ставшего наложником.

Чэньша взглянул на Хуайюя, который был так похож на его брата из прошлой жизни, Сяо Яня. Он не мог ненавидеть это лицо. Пусть этот избалованный мальчишка презирает его — после всего, через что прошел Чэньша, такие пустяки его не задевали.

Заметив, что спасенный ребенок уже прижался к матери, Чэньша повеселел:

— Не важно. Забудем о Чжаньхае. Пойдем дальше.

Они продолжили путь вдоль берега. Люди вокруг бурно обсуждали происшествие:

— Ох, малец чуть не утонул! Прямо как тогда...

— Ты про старшего принца? Да уж, я тоже вспомнил. Император тогда велел прочесать реку на десять ли вокруг, но так его и не нашли...

Мянъцинъ не обернулась, лишь тихо заметила:

— Очередная дворцовая резня. Еще одна юная жизнь принесена в жертву.

— Старший принц пропал в Циньцзян? — Чэньша взглянул на темные воды. — Во время прогулки?

— Да. Император Цанъянь тогда вывез детей на весенние гулянья. Говорят, старший принц был очень умен, император души в нем не чаял, хоть его мать и не была знатного рода. Но при дворе ум и любовь правителя — самые опасные дары для того, у кого нет власти за спиной.

Они прошли еще немного, когда им преградил путь человек с выправкой воина. Он почтительно поклонился:

— Прошу прощения. Мой господин желает побеседовать с вами. Не откажите в любезности.

Мяньцзинь и Чэньша переглянулись. Тайные стражи не вмешались — значит, опасности не было. Человек указал на богато украшенный экипаж, стоявший неподалеку. Мяньцзинь кивнула:

— Ваш господин весьма любезен. Ведите.

Карета была образцом сдержанной роскоши. Воздух вокруг неё был пропитан тонким ароматом благовоний — таких дорогих, что даже Цинь Фэн зажигал их лишь по особым случаям.

Слуга доложил о прибытии гостей и пригласил их войти. Внутри, за низким столиком, на котором уже дымилась три чашки чая, сидел статный мужчина средних лет в расшитом шелком халате. Он приветливо улыбнулся:

— Прошу, присаживайтесь.

Он на миг задержал взгляд на подвеске Чэньша и удивился, но тут же скрыл это.

— Простите, что прервал вашу прогулку. Но я видел, как эта госпожа спасла ребенка. Ваше милосердие восхитило меня, и я не удержался от приглашения.

Мужчина держался с достоинством человека высокого полета, но в его тоне не было надменности.

Мяньцзинь ответила на поклон:

— Господин Е слишком добр. Помочь попавшему в беду — естественный порыв для любого человека.

Господин Е улыбнулся:

— Если бы все люди были так же добры, я бы не потерял своего сына... Хорошие люди — редкость. Ваше сердце обязательно принесет вам благословение.

Мяньцзинь, смягченная его словами, ответила:

— Не стоит так печалиться, господин. Те, кто уходит, находят приют у Бога, и Он не оставляет своих детей.

Собеседник кивнул, его взгляд потеплел:

— Вы правы. Позвольте спросить... вы ведь ждете ребенка?

— Да, четвертый месяц.

— У такой доброй матери дитя непременно будет счастливым.

Мяньцинзнь невольно коснулась живота:

— Мой муж очень заботлив. Ребенок вырастет здоровым и сильным.

— Желаю счастья вам и вашему супругу, — искренне произнес господин Е и велел подать сладости.

Чэньша сидел тихо, пока хозяин экипажа не обратил на него взор:

— А этот молодой человек... ваш родственник?

Чэньша почтительно поклонился. Мяньцинзнь представила его:

— Мой брат.

— Господин Е, благодарю за ваше гостеприимство, — произнес Чэньша.

— Не стоит благодарностей. Попробуйте эти пирожные, их готовил мой личный повар. Надеюсь, они вам понравятся.

Угощение оказалось под стать аромату благовоний — изысканным. Чэньша, хоть и не был голоден, с удовольствием съел несколько штук.

Господин Е отпил чаю и взглянул в окно. Тень горечи и застарелого раскаяния легла на его лицо. Гости не смели прерывать его молчание, и вскоре он заговорил сам, словно нашел в них тех, кому мог довериться:

— Если бы... если бы я знал тогда, как нужно ценить то, что имеешь. Мы могли бы сейчас гулять здесь вместе. Но в этом мире нет места для «если»...

История была стара как мир, но каждое слово этого человека дышало подлинной болью.

Молодой и одаренный выходец из знатной семьи встретил чужеземку — искреннюю и живую. Они полюбили друг друга, презрев условности. Девушка забеременела, но семья юноши

призвала его домой, чтобы он женился на равной себе по статусу. Ему позволили взять любимую в дом второй женой, но гордая женщина не захотела делить его с другой и ушла, забрав нерожденное дитя.

Он не знал, что она не коснулась ни единой монеты из тех, что он ей оставил. Не знал, что его законная жена преследовала её. Когда он, устав от капризов и эгоизма супруги, бросил всё и отправился на поиски любви всей своей жизни — было слишком поздно. Он нашел лишь могилу матери и маленького, брошенного всеми ребенка.

Он забрал сына домой, надеясь искупить вину, но во время прогулки по реке случилась беда. Сын пропал. И сегодня, увидев ребенка в воде, господин Е снова ощутил ту невыносимую тяжесть потери.

Когда он закончил рассказ, солнце уже коснулось вершин дальних гор. Мужчине явно стало легче. Он проводил Мянцзинь и Чэньша до выхода из кареты и долго смотрел им вслед.

Толпа за городскими стенами начала редеть. Когда фигуры гостей скрылись в вечерних сумерках, господин Е негромко произнес:

— Выходи.

Из тени мгновенно возник страж и опустился на колени:

— Ваше Величество.

Император Цанъянь, Дуань Чэнье, задумчиво спросил:

— Тот юноша и есть Пятая Звезда, о котором сейчас все говорят?

— Так точно, Ваше Величество.

— Разузнай о нем всё и доложи мне сегодня вечером.

— Слушаюсь.

Дуань Чэнье посмотрел на величественные ворота Чаояня и едва заметно улыбнулся:

— Вокруг него столько талантов... Кажется, сейчас он живет неплохо.

Страж хранил молчание. Спустя мгновение император взмахнул рукавом и скрылся в карете:

— Следи за третьим принцем. Если он станет угрозой для Чэньша — немедленно ко мне.
Вперед, во дворец.

<http://bllate.org/book/17524/1696162>